УДК 811.161.1+811.111+811.512.133]'373.7:81'23

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Иргашева Нигора Камолхон қизи
Ферганский государственный университет, преподаватель
ORCID ID: 0009-0006-0218-2241

Аннотация

Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов, посредством которых паремиологические единицы — пословицы и поговорки — упаковывают, хранят и передают коллективное знание о мире. В качестве исходной теоретической позиции принята трактовка паремии как пропозициональной схемы с двойной референцией: к конкретному прецеденту и к генерализованному положению дел. Анализ проводится на материале трёх языков — английского, русского и узбекского — с привлечением инструментария когнитивной семантики: теории профилирования и выдвижения (Л. Талми), конструкционной грамматики (М. Томаселло) и семантики ментальных пространств. Установлено, что ключевым когнитивным механизмом паремии является операция двойного сканирования: одновременная активация буквального и переносного планов, результатом которой становится семантическая компрессия. Описаны стратегии профилирования концептов СУДЬБА, МУДРОСТЬ и ОБЩЕСТВО в трёх паремиологических традициях.

Ключевые слова: паремия, когнитивная семантика, пропозициональная схема, профилирование, ментальные пространства, семантическая компрессия, концептуализация, лингвокультура.

Паремиологические единицы — пословицы и поговорки — обнаруживают парадоксальное свойство: будучи предельно кратки по форме, они несут в себе многоуровневое содержание, разворачивающееся в зависимости от контекста употребления. Эта семантическая ёмкость долгое время объяснялась исключительно фольклористическими и риторическими категориями. Однако когнитивная лингвистика, сложившаяся как самостоятельная дисциплина в 1980–90-е годы, предложила принципиально иной взгляд: паремии суть не украшения речи, а особые форматы репрезентации знания.

Р.У. Гиббс показал, что понимание образных языковых выражений, в том числе пословиц, не предполагает сначала буквального, а затем переносного «декодирования»: переносный смысл активируется непосредственно, а не по остаточному принципу.[1] Это наблюдение переориентирует вопрос: не «как слушатель вычисляет значение пословицы», а «какими когнитивными структурами располагает говорящий, чтобы порождать и опознавать пословичные высказывания».

Цель настоящей статьи состоит в описании когнитивных механизмов, обеспечивающих семантическую ёмкость паремий, на сопоставительном материале английского, русского и узбекского языков. Новизна работы определяется выбором объяснительной рамки: вместо традиционной опоры на концептуальную метафору как единственный механизм мы

обращаемся к более широкому инструментарию — профилированию, семантической компрессии и пропозициональным схемам.

Паремия как пропозициональная схема

Отправной точкой нашего анализа служит понятие пропозициональной схемы — абстрактного синтаксико-семантического шаблона, относительно независимого от конкретного лексического наполнения. Н. Барли первым применил структурно-семантический анализ к паремиям, выделив их инвариантные логические формы.[2] В его интерпретации пословица есть «зафиксированное в форме изречения соотношение между двумя переменными», где обе переменные могут варьировать при сохранении отношения между ними.
Т.В. Шмелёва уточняет, что пропозиция в паремии носит двойственный характер: она одновременно отсылает к ситуации-прецеденту (конкретному положению дел, породившему изречение) и к классу ситуаций (обобщённому положению дел, на которое указывает пословица в речи).[3] Именно эта двойная референция создаёт семантическую ёмкость: слушатель способен применять пословицу к бесконечному числу конкретных ситуаций.

П. Зайтел предложил рассматривать пословицу как «социальное использование метафоры»: её употребление в диалоге выполняет функцию фреймирования — переопределения ситуации через прецедент, авторитет которого обеспечивается анонимностью и устойчивостью паремии.[4]

Профилирование и выдвижение в когнитивной семантике

Л. Талми разграничивает понятия фигуры (figure) и фона (ground) применительно к языковым высказываниям: фигура — концептуально выдвинутый элемент, фон — концептуальная основа, на которой воспринимается фигура.[5] В паремиях эти роли распределяются особым образом: буквальный план (конкретный образ) выполняет функцию фона, тогда как абстрактный смысл — функцию фигуры. Поверхностный образ паремии есть лишь когнитивный «рельеф», на котором проступает её подлинное содержание.

В. Эванс и М. Грин, обобщая достижения когнитивной семантики, указывают, что «профилирование» — избирательное выдвижение тех или иных аспектов концептуальной области — определяет, какие именно свойства ситуации получают языковое воплощение.[6] Применительно к паремиям это означает, что каждая пословичная традиция профилирует определённые аспекты универсального человеческого опыта, замалчивая другие — и именно в этом избирательном профилировании кристаллизуется национальная аксиология.

Конструкционная грамматика и устойчивость паремий

М. Томаселло трактует конструкции — устойчивые пары форма/значение — как базовые единицы языкового знания, усваиваемые через употребление.[7] С этой точки зрения паремия представляет собой высококонвенционализированную конструкцию, чьё значение хранится в памяти целиком, а не строится каждый раз заново. Именно поэтому замена даже одного слова в пословице ощущается носителями как отклонение: изменяется не только образ, но нарушается узнаваемость конструкции.
Это подтверждается данными Д.О. Добровольского, зафиксировавшего, что носители языка воспринимают «дефектные» варианты паремий (с лексическими заменами) как семантически неполноценные даже при полном сохранении пропозициональной схемы.[8]

Понятие семантической компрессии

Под семантической компрессией мы понимаем механизм, посредством которого высказывание минимальной поверхностной структуры задействует обширное концептуальное пространство. В паремиях компрессия достигается за счёт двух взаимодополняющих операций: (а) эллипсиса пропозиционального содержания — опускания промежуточных умозаключений, которые восстанавливаются реципиентом самостоятельно; (б) полисемантической свёртки — намеренной многозначности образа, позволяющей применять пословицу к разным классам ситуаций. Б.Дж. Уайтинг в своей классической работе указывал, что именно способность «сжимать опыт до единой формулы» делает пословицу незаменимым инструментом народной дидактики.[9] Л.Б. Савенкова, анализируя русские паремии, конкретизирует это наблюдение: семантическая ёмкость пословицы обусловлена тем, что её означаемое существует на нескольких уровнях — образном, пропозициональном и прагматическом — одновременно.[10]

Двойное сканирование: одновременность буквального и обобщённого

При восприятии паремии активируются одновременно две когнитивные структуры — конкретно-образная и обобщённо-схематическая. Обе не вытесняют друг друга, а «просвечивают» одна сквозь другую. Рассмотрим пример:
Англ.: "Strike while the iron is hot" — ситуация кузнечного дела (фон) профилирует концепт СВОЕВРЕМЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ (фигура);
Рус.: «Куй железо, пока горячо» — структурно параллельная конструкция, однако профилирует в большей мере активность субъекта, нежели характеристику объекта;
Узб.: "Temir issiq chog'ida toshla" (букв.: «Жми железо, пока оно горячее») — акцент смещён на нажим, усилие, что соответствует традиционной узбекской этике настойчивости.

Несмотря на поверхностное структурное сходство, три паремии по-разному распределяют коммуникативный вес между агентом (кузнецом), объектом (железом) и временны́м условием (горячее состояние). Это различие в профилировании улавливается носителями имплицитно и определяет прагматику употребления каждой пословицы.

Концепт СУДЬБА

Сопоставительный анализ позволяет зафиксировать принципиальные различия в концептуализации судьбы. В английской паремиологической традиции судьба тяготеет к полюсу управляемости: "Every man is the architect of his own fortune" — судьба есть постройка, которую возводит сам субъект. Семантика здесь явно волюнтаристская.

В русских паремиях концепт СУДЬБА расщеплён: наряду с волюнтаристскими («На бога надейся, а сам не плошай») устойчиво представлены фаталистические установки («Чему быть, того не миновать»). П. Гжибек, анализируя семиотику паремий, связывает такую двойственность с функцией пословицы легитимировать противоположные поведенческие стратегии в зависимости от контекста.[11]

В узбекской традиции концепт СУДЬБА (qismat) оформляется через дискурс принятия: "Qismat bo'lsa, tosh yorilur" (букв.: «Если суждено — и камень расколется»). Ш.А. Юсупова отмечает, что в тюркских паремиях судьба регулярно персонифицируется и наделяется агентивностью, тогда как человек занимает пассивную, но достойную позицию принимающего.[12] А.И. Оразбаева подтверждает это наблюдение в контексте тюрко-русского сопоставления.[13]

Концепт МУДРОСТЬ

Английские паремии устойчиво маркируют мудрость как приобретённую через личный опыт: "Experience is the best teacher" — источник мудрости есть индивидуальная биография. Когнитивный домен: ЗНАНИЕ — ЭТО ИМУЩЕСТВО, добытое самостоятельно.

Русская традиция акцентирует коллективный источник мудрости: «Век живи — век учись» сочетается с «Умная голова — дураку дана», подчёркивая, что мудрость не тождественна формальным знаниям. Здесь наблюдается устойчивая оппозиция КНИЖНАЯ УЧЁНОСТЬ vs НАРОДНЫЙ УМ.

В узбекских паремиях мудрость концептуализируется прежде всего как возрастная и родовая: "Keksaning gapi — keksaning gapi" (букв.: «Слово старика — слово старика»), т.е. высказывание авторитетного человека не требует обоснования. Д.А. Набиева зафиксировала, что в узбекских паремиях носителем мудрости в подавляющем большинстве случаев выступает пожилой мужчина или предок.[14]

Концепт ОБЩЕСТВО и коллективный субъект

В английской традиции коллективный субъект практически отсутствует: подавляющее большинство паремий синтаксически ориентировано на индивидуального агента. В русских паремиях коллектив выступает и субъектом: «Один в поле не воин», «Мир за себя постоит» — «мир» здесь не мироздание, а община.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, разрабатывая «аспекты теории фразеологии», указывали на роль «антропоцентрического сдвига» в устойчивых единицах: каждая культура конфигурирует отношение Я — МЫ по-своему.[15] В узбекской паремиологии коллектив — маҳалла (соседская община) — выступает ценностным референтом: "Mahallang bilan jang qilma" (букв.: «Не воюй с собственной махаллёй»). Этот пример демонстрирует профилирование социальной гармонии как высшей нормы.

К. Золтан связывает подобные изменения с механизмом «конвенционализации метафоры»: чем чаще метафора употребляется, тем слабее её образный потенциал и тем сильнее схематизация.[19] В паремиологическом измерении это означает, что «стёртые» паремии утрачивают когнитивную ёмкость и превращаются в клише. У. Крофт и Д.А. Крус указывают, что конвенционализация — неотъемлемое свойство живого языка; паремии занимают промежуточную позицию между полной конвенционализацией и живой метафорой — и именно эта промежуточность обеспечивает их прагматическую силу.[20]

Перенос пословицы из одной лингвокультуры в другую сопряжён с риском прагматической интерференции: буквальный образ может быть понят, тогда как генерализованный смысл, закреплённый за конкретным культурным контекстом, остаётся непрозрачным.

Ш.А. Юсупова, сравнивая узбекские и русские паремии о взаимопомощи, установила, что семантически эквивалентные пословицы различаются по прагматическому весу: узбекский эквивалент воспринимается как более обязывающий призыв, тогда как русский — как констатация. Это различие не вычитывается из семантики, но активируется в дискурсе через культурно-специфические фоновые знания.

Таким образом, лингвокогнитивный анализ паремий имеет прямой выход в практику межкультурной коммуникации и лингводидактики: осознание механизмов профилирования и семантической компрессии позволяет предупреждать прагматические ошибки при употреблении пословиц в иноязычном дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, паремиологическая единица представляет собой специфический формат хранения и передачи знания, основным когнитивным механизмом которого является семантическая компрессия: сжатие многоуровневого концептуального содержания в минимальную синтаксическую форму. Этот механизм реализуется через двойную референцию пропозиции и через одновременную активацию буквального и обобщённого планов значения.

Во-вторых, профилирование — избирательное выдвижение определённых аспектов концептуальной области — является инструментом, посредством которого разные лингвокультуры по-разному концептуализируют универсальные домены. Анализ концептов СУДЬБА, МУДРОСТЬ и ОБЩЕСТВО в трёх традициях демонстрирует, что, разделяя общую пропозициональную схему, английские, русские и узбекские паремии устойчиво расставляют разные ценностные акценты.

В-третьих, диахронный аспект свидетельствует о том, что паремии подвержены конвенционализации: со временем их образный компонент «стирается», и пословица превращается в дискурсивную формулу. Промежуточное состояние между живой образностью и клише обеспечивает уникальный прагматический потенциал паремии. Перспективу дальнейшего исследования составляет корпусный анализ контекстов употребления паремий в электронных текстах — газетных, публицистических и разговорных — который позволит верифицировать теоретические выводы на массиве количественных данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gibbs R.W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 527 p.
2. Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме // Паремиологические исследования. — М.: Наука, 1984. — С. 127–148.
3. Шмелёва Т.В. Пропозиция и её репрезентации в предложении // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 26–37.
4. Seitel P. Proverbs: A Social Use of Metaphor // Genre. — 1969. — Vol. 2, № 2. — P. 143–161.
5. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. — Cambridge (MA): MIT Press, 2000. — 565 p.
6. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. — 830 p.
7. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 2003. — 388 p.
8. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. — 1996. — № 1. — С. 71–93.
9. Whiting B.J. The Nature of the Proverb // Harvard Studies and Notes in Philology and Literature. — 1932. — Vol. 14. — P. 273–307.
10. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. — Ростов н/Д: РГУ, 2002. — 240 с.
11. Grzybek P. Foundations of Semiotic Proverb Research // Wise Words: Essays on the Proverb / Ed. W. Mieder. — New York: Garland, 1994. — P. 31–71.
12. Юсупова Ш.А. Паремиологические параллели в тюркских языках. — Ташкент: Университет, 2012. — 196 с.
13. Оразбаева А.И. Когнитивные аспекты казахской и русской паремиологии. — Алматы: Қазақ университеті, 2015. — 210 с.

14. Набиева Д.А. Образ труда в узбекских паремиях: аксиологический аспект // Ўзбек тили ва адабиёти. — 2019. — № 2. — С. 34–41.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. — М.: Знак, 2008. — 656 с.
16. Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 341 p.
17. Ренан Э.А. Паремия как единица пространства текста // Филологические науки. — 2018. — № 4. — С. 45–53.
18. Свиридова А.В. Текстообразующий потенциал пословиц в дискурсе // Вестник ЧелГУ. — 2007. — № 8. — С. 104–110.
19. Zoltan K. Metaphor: A Practical Introduction. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 375 p.
20. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 374 p.